

ШИПУНОВА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА

доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики социальной работы
Санкт-Петербургского государственного университета,
shtatspb@yandex.ru

TATYANA V. SHIPUNOVA

D.Sc. (Sociology), Associate Professor at the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University

УДК 316.3; 316.4

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

SOCIAL SECURITY IN THE HUMAN DIMENSION

Аннотация. В статье анализируются подходы к определению социальной безопасности. Классические концепции в центр внимания ставят, прежде всего, интересы государства. Сторонники концепции «человеческой безопасности» в наибольшей степени склонны к гуманистическому пониманию феномена. Результатом анализа подходов стало авторское определение социальной безопасности, в центре внимания которого находится не только обеспечение социального благополучия, но и развитие адаптивной гибкости индивидов, выступающей основой для формирования культуры безопасности. В своей совокупности данные вида безопасности создают условия для адаптации индивидов к быстро изменяющимся условиям и адекватного реагирования общества на современные вызовы. В статье представлены также результаты изучения представлений студентов о социальной безопасности, подтверждающие актуальность рассмотрения социальной безопасности в человеческом измерении для российской практики. В заключении автор делает вывод, что нацеленность политики безопасности на социальный эффект требует не только особого внимания к условиям жизни россиян, но и признания граждан равноправными агентами формирования политики социальной безопасности во всех сферах жизнедеятельности.

ABSTRACT. The article analyzes approaches to the definition of social security. Classical concepts put in the spotlight, first of all, the interests of the state. Proponents of the concept of "human security" are most prone to a humanistic understanding of the phenomenon. The result of their analysis was the author's definition of social security, the focus of which is not only ensuring social well-being, but also the development of adaptive flexibility of individuals. Taken together, these types of security create the conditions for individuals to adapt to rapidly changing conditions and for an adequate response of society to modern challenges. The article also presents the results of the study of students' understanding of social security, which confirms the urgency of considering the phenomenon in the human dimension. The author concludes that the focus of the security policy on the social effect requires not only special attention to the living conditions of the population of the Russian Federation, but also the recognition of citizens as equal agents in the formation of social security policy in all spheres of the society.

Ключевые слова: социальная безопасность, расширенная безопасность, человеческая безопасность, защищенность, адаптивная гибкость, агенты безопасности, молодежь.

KEYWORDS: social security, extended security, human security, protection, adaptive flexibility, security agents, youth.

Введение

Тема социальной безопасности порождает множество дискуссий, затрагивающих проблемы социального порядка в их соотносительности с универсальными человеческими ценностями. Необходимость дальнейшей разработки понятия связана с тем, что во второй половине XX века в научных кругах произошел отказ отождествления государственной безопасности с социальной, а понятие «социальная безопасность» приобрело выраженную гуманистическую направленность. Безопасность стала рассматриваться в человеческом измерении с акцентом на приоритетную защиту интересов и потребностей индивидов.

Трансформация идей о социальной безопасности

Отказ от классических концепций, базировавшихся на общих положениях школы реализма, в которой государству отводилась главная роль в защите граждан и территории от внешнего врага, и формирование представлений о социальной безопасности в перспективе интересов человека начались с распространения идей об обществе риска. Согласно данной концепции, меру незащищенности индивидов в конечном итоге определяет расширенное воспроизводство рисков в современном обществе [7, 13]. Неуправляемость и непредсказуемость обыденной жизни в совокупности с утратой

рациональности и расширенным воспроизводством рисков лежит в основе феномена неопределенности современности, которая мешает достижению человеком поставленных целей и усиливает страхи, препятствующие нормальному функционированию в социуме [3]. В этой ситуации возникает необходимость теоретического переосмысления социальной безопасности, ее перевода в человеческое измерение. С этого времени в дискурсе безопасности получают развитие новые идеи, обладающие определенным суверенитетом и получившие название «расширенная безопасность» [18].

Модель «расширенной безопасности» описывается в четырех измерениях: референтном, предметном, опасностей и пространственном [17, S. 19]. В центре внимания оказывается не только государство, но и человек как референт защищенности. Объектом защиты становятся базовые потребности людей и проблемные области, в которых замечены нарушения безопасности (экономика, экология, здравоохранение и др.). В фокус исследований попадают опасности, которые пока не проявились, но могут проявиться в будущем. Таким образом, здесь разрабатывается система понятий и происходит концептуализация феномена незащищенности, которые в дальнейшем будут определять и направлять политику безопасности. Пространственное измерение, описывающее географическую область гарантий безопасности, включает в себя в том числе представления о последствиях глобализации, поскольку безопасность в современном мире не может рассматриваться исключительно в национальных границах.

Данная концепция имеет как сторонников, так и противников. Противники подвергают сомнению возможность изучения феномена безопасности в указанных измерениях [20, S. 383–386]. Так, референтное измерение предполагает выделение объектов защиты (внешняя безопасность и индивиды) и социальных контекстов безопасности (сферы жизнедеятельности индивидов и общества). В то же время в предметном измерении выделяют микро- или мезоуровень либо оба уровня сразу. Данное предпочтение в выборе уровней находится в прямой связи с исследованиями феномена культуры безопасности, фокусом которой являются общество как целое, связи между социальными институтами, а также конкретные организации. Однако существует угроза, что со временем основное внимание будет уделяться организационным моментам, связанным с деятельностью системы безопасности. Кроме того, предметное измерение должно включать в себя большой диапазон параметров, описание которых представляется чрезвычайно трудным, а чаще всего — невозможным. В измерении опасностей предлагается модель коммуникации безопасности, в которой выделяются три фазы измерения опасностей: угроза, уязвимость и риск. При этом основное внимание уделяется рискам и далее — небезопасности в смысле остаточного риска. Однако, по мнению самих разработчиков модели, «этот остаток также обозначается как риск, что предполагает, в свою очередь, предсказуемость и тем самым — управляемость ситуацией, которых на самом деле нет» [17, S. 26].

Следствием критики концепции «расширенной безопасности» и переосмысления параметров политики безопасности явилось углубленное обсуждение вопросов защиты отдельных индивидов и их потребностей. Результатом дебатов стала концепция «человеческой безопасности» [14], подчеркивающая необходимость обеспечения гарантии защиты каждого гражданина против угрозы насилия, голода, болезней, угнетения, лишений, внезапных и болезненных (трудных) ситуаций в повседневной жизни. В данной концепции идеи обеспечения безопасности развивались в двух плоскостях. В горизонтальной плоскости рассматривались возможности привлечения новых агентов безопасности в лице различных социальных групп и отдельных индивидов. При этом представители концепции не теряли из виду необходимость усиления и расширения безопасности в вертикальной плоскости — со стороны государственной власти. К главным характеристикам концепции относятся следующие положения [18, S. 322]:

- роль референтного субъекта закрепляется преимущественно за индивидом (а не за государством, как в классической школе или в концепции «расширенной безопасности»);

- к видам угроз относятся межгосударственные и внутригосударственные конфликты, миграционные процессы, постконфликтные ситуации, изменяющие жизненную ситуацию индивидов;

- источником угроз выступают усиленная глобализацией взаимозависимость всех социальных процессов, политическое и экономическое неравенство, нестабильность, которые имеют следствием неблагоприятное положение индивидов;

- в качестве средств защиты от угроз рассматриваются: меры противодействия во всех плоскостях посредством привлечения различных агентов безопасности (государство, международные организации, предприниматели и гражданское общество), защита, расширение прав и возможностей нуждающихся; в предыдущих концепциях средствами выступали разные виды государственного насилия, прежде всего вооруженного (классическая школа), а также различного рода мероприятия, имеющие признаки насильственных, которые должны повышать эффективность государственного управления (концепция «расширенной безопасности»).

Несмотря на то что концепция «человеческой безопасности» отвечает требованиям ориентации на ситуацию отдельно взятого индивида и делает акцент на обеспечении гарантий защиты против угроз, с нашей точки зрения, в определении понятия имеется ряд недостатков. Во-первых, предмет защиты охватывает лишь жизненно важный минимум. При этом из поля зрения агентов безопасности выпадает все то, что превышает минимальные потребности индивидов. Во-вторых, защита здесь выступает как средство социальной безопасности, а не результат ее обеспечения. Такое понимание защиты, ассоциированное с социальной помощью/поддержкой, значительно сужает круг лиц, которые в ней нуждаются. К ним относятся преимущественно неблагоприятные, социально отягощенные группы населения, для которых функциональные

проявления защиты ограничиваются принципом вторичности, предусматривающим гарантированную социальную помощь тем, кто сам прилагает усилия для выхода из сложной жизненной ситуации, что в некоторых случаях представляется затруднительным. И, наконец, в-третьих, в концепции «человеческой безопасности» слабо просматривается превентивный аспект защиты. Здесь акцент делается скорее на фактически проявившихся рисках в виде неблагоприятных обстоятельств и условий жизнедеятельности индивидов, нуждающихся в социальной поддержке/защите, при условии, что такая поддержка гарантирована государством.

Следует отметить, что в отечественной литературе начиная с конца прошлого века также уделяется большое внимание рассмотрению социальной безопасности в человеческом измерении [см., напр.: 2, 8, 9, 12]. В общем и целом, представления о безопасности предусматривают обеспечение социального благополучия в определенный период посредством реализации совокупности мер по защите целей, идеалов, ценностей и интересов человека в социальной сфере, развитие системы жизнеобеспечения и социализации людей [5, с. 161] (понимание социальной безопасности как результата). Считается, что это будет благоприятствовать более полной реализации потенциала личности [4, с. 68]. Процессный подход, рассматривающий социальную безопасность как деятельность агентов по выявлению, предупреждению, ослаблению и/или устранению опасностей и угроз [10, с. 16], расширяет представления о социальной безопасности. В своей совокупности оба подхода создают теоретическую базу для развития социальной безопасности, ориентированной на человека. Вместе с тем разработки отечественных и зарубежных исследователей, с нашей точки зрения, имеют некоторые недостатки.

Социальная безопасность в перспективе развития адаптивной гибкости индивидов

В современных гуманистических концепциях социальной безопасности нет четкого ориентира на необходимость создания условий для развития индивидов. Кроме того, в определениях социальной безопасности не отражена значимость субъективных (обывательских) оценок, которые чаще всего противопоставляются объективному (экспертному) мнению. Субъективные оценки рассматриваются исключительно с релятивистских позиций. Так, считается, что представления о социальной безопасности будут различаться у бедных и богатых [19]. Отмечено, что богатые разных стран стремятся ко все возрастающей самоизоляции в хорошо контролируемых жилых и деловых районах. Однако данный феномен увеличивает ощущение небезопасности у остальной части населения и ведет (как тенденция) к усилению парадокса безопасности, который гласит: чем больше делается для обеспечения безопасности, тем более незащищенными чувствуют себя индивиды (и не только те, для кого реально уровень безопасности снижен) [16, с. 10].

Так называемые объективные оценки безопасности, понимаемые как рациональная калькуляция

опасностей, произведенная экспертами, также не всегда объективны. Зарубежные и отечественные исследователи отмечают, что эксперты находятся в зависимости от разных социальных групп, особенно групп власть имущих (чиновников, банкиров, коммерсантов и т. д.), которые могут влиять на итоговые выводы и использовать их для лоббирования своих интересов [16, S. 24; см. также: 11, с. 22; 22]. Об этом в свое время писал и Н. Луман: «Уверенность в предотвращении ущерба со стороны экспертов, промышленных организаций или даже политических систем (особенно на местном уровне) снизилась за последние два десятилетия. Кажется, что разница между лицами, принимающими решения, и теми, кто пострадал, сегодня более выражена, чем раньше» [21, S. 354].

Различия между объективной и субъективной безопасностью не обязательно должны быть разительными, поскольку в обыденном сознании отражаются те компетенции, которые необходимы для существования индивидов в социуме и которые проходят проверку на практике с позиций блага для человека [6, с. 52]. Таким образом, обыденное знание, дополненное здравым смыслом, становится тем основанием, которое структурирует жизнь индивидов в повседневности и делает ее осмысленной, т. е. определяет «знание жизни», построенное на опыте, что позволяет говорить о равной значимости для понимания социальной безопасности как экспертного мнения, так и мнения рядовых членов общества¹.

Учитывая сказанное, можно предложить следующее определение социальной безопасности: это целенаправленный процесс и результат нормотворческой и организационной деятельности агентов безопасности, направленный на устранение рисков и создание условий для достойного существования и развития индивидов на всех этапах жизненного пути при условии объективного (экспертного)² и субъективного (в общественном мнении) признания их социально справедливыми; результатом социальной безопасности является развитие адаптивной гибкости индивидов, выступающей основой для формирования культуры безопасности, представляющей как сумма убеждений, ценностей и практик индивидов и организаций, «которые

¹ Разумеется, могут возникнуть коллизии между необходимостью обеспечения государственной/национальной и социальной безопасностью. Кроме того, в современном мире приходится сталкиваться с полем сетевых опасностей, включающих в себя как внутренние, так и внешние угрозы, действующие на основе комплексности и взаимовлияния, сведения о которых недоступны или не всегда понятны обыденному сознанию. В данном случае для сохранения стабильности в обществе и снятия напряженности необходимо привлечение независимых экспертов, чьи выводы о рисках и безопасности не будут искажены политическими соображениями.

² Объективная социальная справедливость нормотворческой и организационной деятельности проверяется на практике. Показателями будет повышение уровня социального благополучия и качества жизни населения.

принимают решения о том, что именно следует рассматривать как опасность, и применяют определенные меры для защиты» [16, S. 10]. Под достойным существованием (статическая характеристика) понимается все то, что декларируется современным демократическим обществом в качестве гарантии социального благополучия индивидов: права, свободы, социальная поддержка в трудной ситуации, достойный уровень и качество жизни и т. д. Эти показатели являются необходимыми для успешного функционирования человека в физическом, психологическом, экономическом и социальном плане. Понятие «адаптивная гибкость» (динамическая характеристика) отличается тем, что описывает не столько количество, сколько качество физических и психических сил, знаний, умений, навыков человека, готовность и способность к позитивной для него самого и для общества самореализации в быстро изменяющихся условиях.

Из готовности к изменениям отдельных индивидов в единстве с их социальным благополучием складываются такие показатели социума, как качество населения, индекс развития человеческого потенциала и другие, определяющие способность общества адекватно реагировать на современные вызовы, сохраняя тенденцию к устойчивому развитию. Если в обществе нет условий для формирования адаптивной гибкости, то возникает феномен «ловушки бедности», когда человек не в состоянии приспособиться к новым реалиям — технологиям, правилам, требованиям и условиям, — вследствие чего оказывается выброшенным из общественной жизни [1, с. 37–39]. С ростом числа индивидов, попавших в «ловушку бедности», возрастают риски переноса/распространения этого явления на все общество, которое начинает проявлять характерные признаки социальной деградации: постоянное воспроизводство бедности, резкое расслоение на бедных и богатых, рост уровня безработицы, отсутствие заботы о будущем поколении, эксплуатация ресурсов граждан, демографический спад и т. д.

Для повышения социальной адекватности мероприятий по обеспечению социальной безопасности необходимо изучение представлений населения о данном феномене. Последующее обсуждение результатов с широкой общественностью — это верный путь для развития культуры безопасности. Исходя из данных рассуждений, параллельно с теоретической проработкой вопросов мы провели эмпирическое исследование, сверхзадачей которого стало изучение представлений молодежи о социальной адекватности и востребованности идей социальной безопасности в человеческом измерении.

Субъективное определение социальной безопасности: некоторые результаты исследования

Исследование проводилось в 2017–2018 годах. Его цель — изучение представлений о социальной безопасности студенческой молодежи. Объектом выступили студенты 2–4 курсов одного из университетов Санкт-Петербурга, обучающихся по социогуманитарному направлению, а предметом — представления о социальной безопасности.

В исследовании использовался метод структурированного эссе³. Структурирование проводилось посредством выделения тем, совпадающих с задачами исследования, которые, в свою очередь, сопровождалось поясняющими вопросами, рекомендуемыми к обсуждению. Стоит отметить, что подготовке эссе не сопутствовало предварительное обсуждение данной темы в аудитории.

В написании эссе приняли участие 52 человека, среди которых, в силу специфики образовательного направления, преобладали женщины (44 чел.). Возрастной состав достаточно однороден — преимущественно 19–21 год, лишь один человек был в возрасте 25 лет. Полученные в ходе исследования тексты эссе обрабатывались методом контент-анализа, смысловые единицы которого ассоциированы с поясняющими вопросами. Ответы на вопрос о понимании социальной безопасности группировались по нескольким признакам. Выделялись смысловые единицы, характеризующие содержание понятия, референтов, агентов и средства обеспечения социальной безопасности. Единицами обсчета были слова и выражения, относящиеся к той или иной группе.

Анализ показал, что в понимании студентов социальная безопасность предстает как процесс и результат некой деятельности, а также как оценочная категория, характеризующая восприятие людьми своего благополучия в обществе. Наполняемость понятия, т. е. характеристика его объема, занимает в эссе студентов большую часть. Заявлением о том, что социальная безопасность — это удовлетворение лишь базовых потребностей людей, ограничились два человека. Большинство студентов выделили признак равных возможностей для получения социальных благ (частота упоминаний или использование ассоциированных по смыслу характеристик — $v=42$). Под социальными благами имеется в виду не только равенство возможностей в получении медицинских услуг, образования, работы, наличие социальных гарантий, достойный уровень и качество жизни, но и защита таких ценностей, как свобода слова и вероисповедания, самовыражение, отсутствие притеснений по каким-либо признакам, возможность реализовывать свои интересы.

В подходе к определению объема понятия социальной безопасности с точки зрения деятельности выделено устранение угроз, «приводящих к дестабилизации общества и нанесению вреда человеку» ($v=12$). В качестве характеристики социальной безопасности указываются также: уменьшение

³ Данный метод больше соответствует цели исследования, чем анкетирование, поскольку отсутствуют подсказки в виде вариантов ответов. Участники описывают только то, что для них является наиболее актуальным. Использование данного метода является трудоемким занятием и требует определенной степени доверительных отношений между исследователем и студентами, поскольку эссе предполагает изложение личных мнений и идей, которые студенты зачастую не желают озвучивать. Кроме того, подготовка эссе требует времени, сосредоточенности и вербализации своих (зачастую расплывчатых) представлений, что не всем студентам может нравиться.

рисков становления жертвами военных конфликтов, несчастных случаев, преступных посягательств ($v=3$); защита общества от внешних угроз ($v=2$). Устранение угроз, по мнению части студентов, должно обеспечить в обществе и ситуацию отсутствия любых видов насилия, среди которых названы: политическое, экономическое, духовное подавление личности и социальных групп; пытки; давление на человека со стороны государства (преследование, навязывание идеологии), репрессии, навязывание религиозных ценностей ($v=4$).

13 человек акцентировали свое внимание на субъективном аспекте социальной безопасности. Он отражается в нескольких вариантах ответов: «ощущение уверенности в завтрашнем дне»; уверенность, что в случае неблагоприятной ситуации индивид «может рассчитывать на государственную помощь и поддержку»; человек чувствует себя в безопасности; ощущение стабильности и защищенности; «абсолютного комфорта человека в социуме» и др.

Часть студентов видят главную цель обеспечения социальной безопасности в развитии и создании условий для самореализации личности ($v=14$). При этом они используют выражения: «личность может свободно функционировать», осуществлять «взаимодействие в различных социальных группах и развиваться», «право на самовыражение», «полноценное развитие личности и реализация творческого потенциала», «самореализация в личном, творческом, профессиональном планах» и т. д. Конечно, у студентов в тезаурусе отсутствует понятие адаптивной гибкости, но их рассуждения близки этому феномену по своей сути. В более широком смысле сюда же можно отнести и высказывания о том, что социальная безопасность должна описываться «скорее в терминах развития, прогресса, нежели обороны», она должна иметь ориентиром «равноправие, справедливость», совершенствование людей, обеспечение «готовности общества к возникновению любого рода опасностей», «обладание интеллектуальными и техническими ресурсами для предотвращения опасностей» ($v=5$).

Референтом защиты, по мнению студентов, должны выступать все граждане (отметили 23 чел.), отдельные группы (например, интеллигенция, военнослужащие и др.) (6 чел.). Выделяется также группа особо нуждающихся граждан — инвалиды, сироты, многодетные семьи, дети, пожилые люди и т. д. (9 чел.). При этом социальная безопасность должна обеспечиваться на межличностном, групповом и государственном уровнях.

В роли главного агента социальной безопасности студенты видят государство (отметил 31 чел.). Это может свидетельствовать как о стремлении к патернализму, так и о реальной оценке ситуации в российском обществе, в котором слабо развито гражданское общество, а власть и все механизмы воздействия на ситуацию сосредоточены у государства. Три человека высказали опасения в отношении государства как агента безопасности, выделив три момента: стремление «затягивать гайки»; усиление контроля; социальную неадекватность некоторых законов, ограничивающих свободу

волеизъявления граждан; (возможное) преследование оппозиции и ограничение свободы слова, если государство расценивает это как угрозу социальной безопасности. К другим агентам были отнесены: общественные организации, движения (включая политические), общество в целом (9 чел.); различные социальные институты, в том числе социальные службы (5 чел.); силовые структуры (армия, ФСБ, правоохранительные органы) (5 чел.). Граждане страны также фигурируют в качестве агентов социальной безопасности (отметили 6 чел.).

Средства обеспечения социальной безопасности были разделены студентами на две относительно самостоятельных группы. В первую группу вошли те средства, которые доступны преимущественно государству как органу управления обществом: законодательная деятельность, включающая в том числе разработку социально ориентированных законов, образующих правовое поле для развития социальной политики ($v=7$). По одному голосу получили также: государственное принуждение, грамотное управление, развитая система правоохранительных органов, меры политического, экономического, идеологического и организационного характера, пропаганда и др. Во вторую группу вошел перечень средств без указания ответственного субъекта, что, впрочем, не отменяет их значимости для социальной безопасности в понимании студентов. Среди этих средств были названы поддержка и защита в неблагоприятной ситуации (1 чел.), защита прав и свобод людей, развитие толерантности (2 чел.).

Откликом на предложение выделить наиболее важные виды социальной безопасности стало следующее распределение ответов, сгруппированных на основе указания ключевых слов/смыслов, характеризующих ту или иную сторону жизнедеятельности людей.

Внутренняя безопасность представляется студентам более важной, чем внешняя, которую отметили всего 4 человека. По мнению одного из студентов, это обусловлено тем, что условия жизни в России «превращают нашу реальность в постоянную борьбу за спокойную жизнь». Среди видов социальной безопасности чаще всего указывается экономическая безопасность ($v=20$). Она видится как достойный уровень и качество жизни, которые «открывают путь к саморазвитию и прогрессу», отсутствие кризисов и низкий уровень безработицы. К данному виду безопасности можно отнести также защиту наиболее уязвимых групп населения ($v=14$) и благотворительность, имеющую целью помощь индивидам в трудной жизненной ситуации ($v=2$).

В качестве актуальных показателей выделены: безопасность здоровья ($v=15$); «культурная» безопасность, которая подразумевает не только гарантию прав и свобод, но и все то, что связано с развитием личности ($v=16$); физическая безопасность как защищенность от «криминальных действий в отношении граждан» ($v=12$); экологическая ($v=7$) и др. Пятеро студентов выделили политическую безопасность, содержание которой сводится к защите государственной

системы и «стабильности политической власти». Социальная безопасность в данном случае рассматривается как производная от государственной политики в отношении всех граждан при условии ее ориентации на поддержку условий общественного договора, в котором государству отводится роль защитника интересов и прав граждан. Если этого не происходит, то «рушится вся система взаимодействия человека и государства».

Прямая связь с понятием адаптивной гибкости (помимо выделения культурной безопасности) также нашла отражение в эссе студентов ($n=7$). Их рассуждения не ограничиваются только указанием на то, что нужно «защищать и развивать жизненные силы социальных субъектов», интегрировать их социум, развивать личностный потенциал, давать качественное образование. Студенты видят в этих мероприятиях позитивные следствия для всего общества в виде: «социальной стабильности, процветания и прогресса»; «развития экономики, сокращения числа людей в группах риска» и т. д.

Результаты исследования показали, что понимание социальной безопасности студентами имеет в своем большинстве ориентиры, несколько отличные от национальной и/или государственной безопасности. Трудно представить, что без обеспечения благополучия людей, уменьшения рисков обнищания, потери здоровья, снижения уровня образования и раскультирования в недалеком будущем Россия сможет удерживать статус сильной державы, достойно конкурировать и защищать свои интересы на международной арене. В современном обществе выявление и оценка рисков рассматриваются как продукт взаимодействия различных общественных групп. Это «делает анализ политики безопасности, с одной стороны, более сложным, но с другой — он открывает взору разнообразие участников, которые имеют право формулировать и разрабатывать политику безопасности» [15, S. 10–11]. По крайней мере, общественность может и должна принимать участие в обсуждении наиболее важных вопросов, касающихся жизнедеятельности индивидов в социуме.

Основные выводы

Анализ подходов к пониманию социальной безопасности в современном обществе демонстрирует отказ от ее отождествления с государственной безопасностью, что приводит к необходимости переосмысления классических концепций и разработке концепций, ориентированных на обеспечение защищенности индивидов. Откликом на эти обстоятельства стало возникновение концепции «расширенной безопасности», в которой предлагается изучать проблему обеспечения социальной безопасности как бы вне зависимости от глобальных мировых конфликтов, поскольку в любой напряженной экономической, экологической, политической и других ситуациях требуются обеспечение гарантий внутренней легитимности власти и выживания социума и, соответственно, защита индивидов. В наиболее явном виде гуманистическая составляющая социальной безопасности проявляет себя в концепции «человеческой безопасности».

Основным недостатком данной концепции является ее сведение к социальной защите (преимущественно государственной), которая уделяет больше внимания социально отягощенным слоям населения. При этом не уделяется должного внимания другим социальным группам. Тем самым не обеспечивается удаленная перспектива или, иначе говоря, кумулятивный эффект социальной безопасности.

Неопределенность как отличительная черта современного общества, усугубленная переплетением интересов транснациональных сетей, предпочтений международных организаций и международной экономической деятельностью правительств, создает высокий уровень напряженности в обществе. Одновременно с этим возрастает и значимость успешной адаптации индивидов к быстро меняющимся условиям жизнедеятельности, которая в конечном счете является залогом самосохранения и развития общества. Очевидно, что в этой связи социальная безопасность должна приобрести две временные перспективы: «на данный момент» и «на будущее». Обеспечение социальной безопасности в первом случае предусматривает реакцию на актуальные риски. При устранении этих рисков основным требованием должно стать либо повышение уровня социального благополучия индивидов, либо сохранение status quo жизненной ситуации индивидов. Перспектива «на будущее» обеспечивает формирование и развитие адаптивной гибкости индивидов как гарантии адаптации индивидов к постоянно изменяющимся условиям существования. В обеих перспективах следует ожидать не только устранения онтологических угроз, но и коррекции восприятия и оценки опасностей. Данный подход в наибольшей степени может гарантировать развитие культуры безопасности как инструмента саморегуляции жизнедеятельности индивидов и организаций в плане определения и поддержания безопасной среды существования.

Исследование представлений студентов о социальной безопасности показало, что в их понимании безопасность предстает как процесс и результат защиты интересов и ценностей индивидов. Это согласуется с теоретическими концептами, имеющими гуманистическую направленность. При ориентации безопасности на социальный эффект в виде формирования адаптивной гибкости индивидов, являющейся базой для развития культуры безопасности и общества в целом, повышаются требования к агентам безопасности. Диспозиционный конфликт между властью и населением может найти удовлетворительное разрешение только тогда, когда власть признает население, гражданские институты, общественные движения равноправными агентами разработки и обеспечения политики социальной безопасности. Формирование безопасности — это постоянный процесс, следовательно, ее полное (и законченное) воплощение трудно представить, однако можно выстроить такую архитектуру системы социальной безопасности, которая ориентирована на достижение положительных социальных эффектов (как цели развития) и обеспечение соответствующих условий в социальной сфере.

1. Ведихина А. С. Ловушка бедности в современном обществе // Вопросы современной экономики и менеджмента: свежий взгляд и новые решения. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Екатеринбург: Инновационный центр развития образования и науки, 2016. С. 37–39.
2. Возжеников А. В. Национальная безопасность: теория, политика, стратегия. М.: Изд-во НПО Модуль, 2000. 240 с.
3. Гидденс Э. Последствия современности. М.: Практикс, 2011. 352 с.
4. Колосов А. В. Экономическая безопасность в сфере интеллектуальной деятельности. М.: Мир науки, 2013. 126 с.
5. Кузнецов В. Н. Социология безопасности: учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 2007. 423 с.
6. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
7. Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 135–160.
8. Манилов В. Л. Безопасность в эпоху партнерства. М.: ТЕРРА, 1999. 364 с.
9. Мирошниченко В. М. Национальная безопасность Российской Федерации. М.: Экзамен, 2002. 256 с.
10. Серебрянников В., Хлопьев А. Социальная безопасность России. М.: МНИИПУ, 1996. 349 с.
11. Яницкий О. Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. Т. 12, № 1. С. 3–35.
12. Яновский Р. Г. Глобальные изменения и социальная безопасность. М.: Academia, 1999. 357 с.
13. Beck U. Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne [The risk of the company. On the way to another modernity]. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986. 391 p. (In German).
14. Brzoska M. Human Security — mehr als ein Schlagwort [Human Security. Is more than a slogan]. Friedengutachten [Conclusion of peace]. Münster: Lit, 2004, pp. 156–165 (in German).
15. Daase Ch., Engert S.-Junk J. Gesellschaftliche Verunsicherung als Herausforderung des Staates: Eine Einführung [Society of uncertainty as the task (goal) of the state: introduction]. Verunsicherte Gesellschaft — überforderter Staat: Zum Wandel der Sicherheitskultur [Unsettled state is a broken state. Towards the changes of safety culture]. Frankfurt am Main: Campus Verlag GmbH, 2013, pp. 9–34 (in German).
16. Daase Ch., Engert S., Kolliarakis G. Einleitung: Politik und Unsicherheit [Introduction: policy and uncertainty]. Politik und Unsicherheit: Strategien in einer sich wandelnden Sicherheitskultur [Policy and uncertainty: strategies in the changing safety culture]. Frankfurt am Main: Campus Verlag GmbH, 2014, pp. 9–17. (in German).
17. Daase Ch. Unsicherheit und Politik: Eine Hinführung. Politik und Unsicherheit: Strategien in einer sich wandelnden Sicherheitskultur. Frankfurt am Main: Campus Verlag GmbH, 2014, pp. 19–29 (in German).
18. Debiel T., Werthes S. Menschliche Sicherheit: Fallstricke eines wirkungsmächtigen Konzepts [Human security: pitfalls as an effect of powerful concept] Verunsicherte Gesellschaft — überforderter Staat: Zum Wandel der Sicherheitskultur [A corrupt society is a congested state: Towards the change of safety culture]. Frankfurt am Main: Campus Verlag GmbH, 2013, pp. 319–336 (in German).
19. Grosser A. Zwischen Sicherheit und Unsicherheit. Zu Notwendigkeiten und Übertreibungen in der Sicherheitsdebatte [Between security and uncertainty: About the need of discussions and debates on security]. Zivile Sicherheit: Gesellschaftliche Dimensionen gegenwärtiger Sicherheitspolitiken [Civil security: social aspects of the current security policy]. Bielefeld: Transcript Verlag, 2011, pp. 35–40. (In German).
20. Lange H.-J., Wendekamm M. Dimensionen der Sicherheitskultur — Eine Resümee. Dimensionen der Sicherheitskultur [Dimensions of safety culture]. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2014, pp. 381–387. (In German).
21. Luhmann N. Die Moral der Gesellschaft [Morality of society]. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2008. 402 p. (In German).
22. Möllers M. H. W. Öffentliche Sicherheit und Gesellschaft: Debatten im Kontext historischer [Public safety and society: discussions in the context of historical events] (2nd ed.) Frankfurt: Verlag für Polizeiwissenschaft, 2013. 90 p. (In German).

References

1. Vedikhina A. S. Lovushka bednosti v sovremennom obshchestve [Poverty trap in modern society]. *Voprosy sovremennoy ekonomiki i menedzhmenta: svezhiy vzglyad i novyye resheniya: Sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Issues of modern economics and management: a fresh look and new solutions: Collection of Scientific Papers on the Results of an International Scientific and Practical Conference. Yekaterinburg: Innovative Centre of Education and Science, 2016, pp. 37–39 (in Russian).
2. Vozzhenikov A. V. *Natsionalnaya bezopasnost: teoriya, politika, strategiya* [National Security: Theory, Politics, Strategy]. Moscow: Scientific and Production Association Modul Publ., 2000. 240 p. (In Russian).
3. Giddens Je. *Posledstviya sovremennosti* [The consequences of modernity]. Moscow: Praktiks, 2011. 352 p. (In Russian).
4. Kolosov A. V. *Ekonomicheskaya bezopasnost v sfere intellektualnoy deyatel'nosti* [Economic security in the field of intellectual activity]. Moscow: Mir Nauki Publ., 2018. 126 p. (In Russian).
5. Kuznetsov V. N. *Sotsiologiya bezopasnosti: Uchebnoye posobie* [Sociology of Security: Textbook]. Moscow: Moscow State University Publ., 2007. 423 p. (In Russian).
6. Liotar Zh.-F. *Sostoyaniye postmoderna* [The postmodern condition]. St. Petersburg: Aleteiya, 1998. 160 p. (In Russian).
7. Luhmann N. *Ponyatiye riska* [The concept of risk]. *THESIS — Almanac THESIS*, 1994 (5), pp. 135–160 (In Russian).
8. Manilov B. L. *Bezopasnost v epokhu partnerstva* [Security in the era of partnership]. Moscow: TERRA Publ., 1999. 364 p. (In Russian).

9. Miroshnichenko V.M. *Natsionalnaya bezopasnost Rossiyskoy Federatsii* [National Security of the Russian Federation]. Moscow: Ekzamen Publ., 2002. 256 p. (In Russian).
10. Serebryannikov V., Khlopyev A. *Sotsialnaya bezopasnost Rossii* [Social security in Russia]. Moscow: International Research Institute of Problems of Management Publ., 1996. 349 p. (In Russian).
11. Yanitskiy O.N. Sotsiologiya riska: klyuchevyye idei [Sociology of risk: key ideas]. *Mir Rossii* — The World of Russia, 2003 12 (1), pp. 3–35 (in Russian).
12. Yanovskiy R.G. *Globalnyye izmeneniya i sotsialnaya bezopasnost* ‘ [Global changes and social security]. Moscow: Academiya, 1999. 357 p. (In Russian).
13. Beck U. *Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne* [The risk of the company. On the way to another modernity]. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986. 391 p. (In German).
14. Brzoska M. Human Security — mehr als ein Schlagwort [Human Security. Is more than a slogan]. *Friedengutachten* [Conclusion of peace]. Münster: Lit, 2004, pp. 156–165 (in German).
15. Daase Ch., Engert S.-Junk J. Gesellschaftliche Verunsicherung als Herausforderung des Staates: Eine Einführung [Society of uncertainty as the task (goal) of the state: introduction]. *Verunsicherte Gesellschaft — überforderter Staat: Zum Wandel der Sicherheitskultur* [Unsettled state is a broken state. Towards the changes of safety culture]. Frankfurt am Main: Campus Verlag GmbH, 2013, pp. 9–34 (in German).
16. Daase Ch., Engert S., Kolliarakis G. Einleitung: Politik und Unsicherheit [Introduction: policy and uncertainty]. *Politik und Unsicherheit: Strategien in einer sich wandelnden Sicherheitskultur* [Policy and uncertainty: strategies in the changing safety culture]. Frankfurt am Main: Campus Verlag GmbH, 2014, pp. 9–17. (in German).
17. Daase Ch. Unsicherheit und Politik: Eine Hinführung. *Politik und Unsicherheit: Strategien in einer sich wandelnden Sicherheitskultur*. Frankfurt am Main: Campus Verlag GmbH, 2014, pp. 19–29 (in German).
18. Deibel T., Werthes S. Menschliche Sicherheit: Fallstricke eines wirkungsmächtigen Konzepts [Human security: pitfalls as an effect of powerful concept] *Verunsicherte Gesellschaft — überforderter Staat: Zum Wandel der Sicherheitskultur* [A corrupt society is a congested state: Towards the change of safety culture]. Frankfurt am Main: Campus Verlag GmbH, 2013, pp. 319–336 (in German).
19. Grosser A. Zwischen Sicherheit und Unsicherheit. Zu Notwendigkeiten und Übertreibungen in der Sicherheitsdebatte [Between security and uncertainty: About the need of discussions and debates on security]. *Zivile Sicherheit: Gesellschaftliche Dimensionen gegenwärtiger Sicherheitspolitiken* [Civil security: social aspects of the current security policy]. Bielefeld: Transcript Verlag, 2011, pp. 35–40. (In German).
20. Lange H.-J., Wendekamm M. Dimensionen der Sicherheitskultur — Eine Resümee. *Dimensionen der Sicherheitskultur* [Dimensions of safety culture]. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2014, pp. 381–387. (In German).
21. Luhmann N. *Die Moral der Gesellschaft* [Morality of society]. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2008. 402 p. (In German).
22. Möllers M.H.W. *Öffentliche Sicherheit und Gesellschaft: Debatten im Kontext historischer* [Public safety and society: discussions in the context of historical events] (2nd ed.) Frankfurt: Verlag für Polizeiwissenschaft, 2013. 90 p. (In German).